

**КРИМІНАЛЬНА СПРАВА АКАДЕМІКА В.М.ПЕРЕТЦА
ЯК ДОСЛІДНИКА ЛІТЕРАТУРИ КИЇВСЬКОЇ РУСІ
(за матеріалами архіву СБУ)***

В архіві СБУ зберігається ксерокопія кримінальної справи Володимира Миколайовича Перетца (оригінал – у Санкт-Петербурзі)¹. Ця кримінальна справа стала невід'ємною частиною творчої та наукової біографії вченого і яскраво свідчить про ставлення радянської системи до незаангажованої науки, зокрема тієї її галузі, що вивчала спадщину Київської Русі. Власне, приводом до відкриття і провадження кримінальної справи проти відомого вченого стало його бачення літератури Київської Русі як спадщини українського народу. Детальний перегляд справи свідчить про те, що саме інтерпретація спадщини Київської Русі як української за своїм походженням – суто з наукових позицій, незалежно від будь-яких партійних чинників – і стала головною причиною арешту. Справа містить низку свідчень проти В.М.Перетца. Безперечно, всі вони сфабриковані задля того, аби інкримінувати вченому злочин проти радянської влади. Крім того, більшість тих осіб, що свідчили, робили це не з власної волі, а під колосальним тиском, через загрозу для власного життя.

До справи залучено низку протоколів допитів різних людей, зокрема працівників Академії наук СРСР, Російського музею в Ленінграді та ін. Фактично всі вони визнають, що належать до контрреволюційної організації, метою якої було повалення радянської влади. Говориться про те, що формування даної організації в Ленінграді відбувалося протягом 1928–1929 рр., коли тут, мовляв, за безпосередньою участю Перетца та інших осіб при Українському науковому товаристві ім. Шевченка були сконцентровані кадри українських націоналістів. Відзначалося, що така діяльність виражалася у спрямуванні всієї суті й практики роботи товариства в націоналістичне річище, у встановленні зв'язків із націоналістичними елементами на Україні, зокрема ВУАН, у залученні молоді у сферу націоналістичного впливу. Вказується також на тісний зв'язок В.Перетца з групою академіка М.Грушевського. Серед програмно-тактичних установок організації називаються такі: зміцнення націоналізму, боротьба з марксизмом, боротьба за збереження релігійних основ, саботаж у науковій роботі питань соціалістичного будівництва та організація протидії їм на практиці. Серед учасників організації згадуються В.Перетц, Л.Перетц, В.Дроздовський, І.Абрамов, В.Боняновський, В.Ляпунов, Б.Крижанівський, А.Зарембський, М.Фріде, М.Сичов, Л.Дурново, Е.Лютер.

У протоколі допиту одного з тих, хто проходив по справі, зазначається, що ця контрреволюційна організація як блок російських та українських націоналістів має за мету боротьбу з радянською владою. Засвідчується, що з 1912 року існував гурток студентів історико-філологічного факультету, серед яких були Зеров, Горецький, Филипович, Романовський, Кравченко, Ткаченко та ін. Всі вони відвідували засідання Українського наукового товариства ім. Шевченка, де робили доповіді М.Грушевський, В.Перетц, В.Лобода, О.Левицький та інші члени т. зв. "старої громади". Все це, мовляв, виховувало у молоді націоналістичні настрої. Організація нібито включала націоналістично налаштованих прихильників

* Авторка висловлює подяку Фонду Антона Савицького при Науковому товаристві ім. Шевченка в Америці за сприяння в роботі над вивченням спадщини доби Київської Русі.

¹ Ф. 68. – КДВ – 136. – Спр. № 3906, II – 24876. – 365 арк. Далі аркуш справи зазначаємо в тексті.

української самостійності, ідеологом та організатором названо Перетца, а також великодержавних націоналістів, а їхня спільна мета – знищення радянської влади. У свідченнях говориться, що організація мала назву “Російська націоналістична партія”, визначальними домінантами діяльності якої були націоналістичне спрямування та орієнтація на єднання всіх націоналістичних сил народностей колишньої Російської імперії. Активними учасниками організації були Сперанський і Грушевський. Окремо стояв Гудзій, зв’язаний із Перетцом. Перетц підтримував зв’язок із центром організації у Москві через свої систематичні поїздки туди. До керівного складу організації входили особи, які так само, як і Перетц, займалися слов’янознавством.

У протоколі допиту вченого секретаря АН СРСР від 17.4.34 р. засвідчується, що допитуваний знав академіка Перетца зі студентських років (1893–1897 рр.) у Санкт-Петербурзькому університеті. На запитання “Що Вам відомо про політичні погляди академіка Перетца?” він відповідає так: “Мне достоверно известно, что В.Н.Перетц по приезде в Киев сразу же примкнул к группе местных украинофилов-автономистов, возглавлявшейся тогда проф. Грушевским. Это поставило Перетца во враждебные отношения с той группой университетских профессоров в Киеве, которая представляла наиболее яркие великодержавные тенденции и протестовала против предоставления “малороссам” (украинцам) каких бы то ни было национальных прав даже в области языка (проф. Флоринский и др.). Украинфильство Перетца вооружило против него и крайнюю правую группу тогдашних академиков (Соболевский, Бычков). К моменту избрания В.Н.Перетца в академики, т.е. к началу 1917 г., политические взгляды Перетца выявились полностью: в своих научных работах он стал на точку зрения самобытности и автономности украинской культуры, которая противопоставлялась им великороссийской культуре – не оригинальной, подражательной и нецелостной. **Все древнерусские литературные памятники были объявлены им памятниками исключительно украинской письменности, культуры и языка** (підкреслення зроблене у кримінальній справі. – *О.С.*), причем русскую культуру он относил лишь к XVII ст. – к так называемому Московскому периоду, устраивая [усматривая. – *Ред.*] в ней сильное влияние украинской культуры. Отсюда Перетц делал вывод о необходимости образования самостоятельного украинского государства, объединяющего украинцев не только в пределах бывшей Российской империи, но и бывшей Австро-Венгрии (Галиция), Буковина, Угорская или Прикарпатская Русь” (Арк. 185-188.).

На підставі названих вище та інших допитів (усього свідчення дала 31 особа, що назвали себе учасниками організації) було видано “Справку” від 15 квітня 1934 р.: “Перетц В.Н., 1870 г. рожд., член Всесоюзной Украинской АН, славяновед, б/п, видный деятель украинского националистического движения. Тесно связан с организатором украинской националистической контрреволюции академиком Грушевским. Является одним из руководителей контрреволюционного блока русских и украинских националистов, именовавшегося “Российская националистическая партия”, ориентировавшегося на германский фашизм и ставящего своей задачей свержение советской власти. Входил в центр “Российская националистическая партия”, где вел активную работу”.

Тільки після цього було проведено допит самого В.М.Перетца. Із протоколу допиту вченого, датованого 23 квітня 1934 р., видно, що на питання про політичні погляди тих осіб, що свідчили проти нього, він відповідав, що за жодним із них не провадив політичного нагляду, тому не може характеризувати їхніх політичних поглядів. Перетц категорично заперечував свою участь в антирадянській діяльності. Але його слова нічого не важили. Слідство над В.Перетцом завершилося висилкою, про що свідчить “Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16 июня 1934 р.” із грифом

“Совершенно секретно”. Тут зазначається: “Слушали: Дело № 3906 по обвинению гражданина Перетца В.Н. по ст. 58/4 и 58/II. Постановили: Перетца В.Н. выслать в г. Саратов сроком на три года, считая срок с 11.4.34 г. Дело сдать в архив”. Також було відправлено лист Й.Сталіну, де стверджувалася вина Перетца й говорилося про необхідність виключити його зі складу АН СРСР і вислати на три роки до Саратова.

Невдовзі після винесення вироку розпочався процес перегляду справи вченого, ініційований його дружиною Варварою Адріановою-Перетц. Так, у листі Прокурора СРСР із грифом “секретно” від 9.IX. 35 р. за № 14-13-4874 до відповідального секретаря Особливої наради НКВС СРСР говориться про те, що 23 листопада 1934 р. Прокуратура СРСР постановила переглянути справу академіка Перетца. Тому було висловлено прохання включити цю справу до порядку денного найближчого засідання Особливої наради.

У листі з Прокуратури СРСР від 23 листопада 1934 р. за № 14/В-4874 секретарю Особливої наради НКВС зазначається: “Прошу поставить на пересмотр дело ак. Перетца В.Н. для замены ему высылки в Саратов условным осуждением.

В Саратовском Университете нет ни исторического, ни филологического факультета и Перетц там как крупная научная величина использована быть не может.

Состояние здоровья 65-летнего академика Перетца таково, что без посторонней помощи он обойтись не может и единственное место, где он может быть целесообразно использован — это Ленинград.

Имея в виду, что принятыми в свое время мерами объективная возможность продолжения антисоветской деятельности устранена, настроения Перетца, изложенные в заявлениях на имя Коллегии ОГПУ от 44.-24/6-34 г. и на имя Прокурора СССР от 13.11.34 г., не дают оснований предположить возможность рецидива былых настроений, я считаю возможным вынесенный в отношении Перетца приговор считать условным и предоставить ему возможность возвратиться в Ленинград для продолжения научной работы.

Приложение: заявление академика Перетца” (Арк. 262).

В.М.Перетц написав листа на ім'я прокурора СРСР такого змісту: “11 апреля 1934 г. я был арестован, привезен в Москву и после нескольких допросов следователем ОГПУ, согласно постановления коллегии, выслан в Саратов, где и проживал до 14.11, когда был вызван в Москву. Кара, постигшая меня — 3 года административной высылки — явилась для меня не только неожиданным тяжелым ударом, прервавшим мою научную работу (которую я веду 42 года), но и тяжелым оскорблением меня, как советского работника с революционным прошлым. Хотя я всегда был лишь рядовым работником в прошлом, однако факты моей работы говорят за меня (национально настроенные позиции в течении многих лет, участие в оппозиционной прессе, пропаганда марксизма на лекциях, работа в “Красном Кресте” в Киеве, участие в работе Ревкома в Самаре; мои работы последнего времени — до 1934 г. включительно) и в то же время тем ответствиям, которые основаны на доверии к показаниям лиц, совершенно мне чуждых и малознакомых, с которыми я имел общение лишь в публичных заседаниях. Показания этих лиц голословны и грешат обличающими их выдуманно подробностями [...]. Как создались эти показания, я не знаю [...].

За время высылки из Ленинграда, лишенный необходимых забот и ухода, я настолько в отношении здоровья потерпел ущерб, что теперь пожизненно нуждаюсь в уходе, чтобы сохранить остаток работоспособности. За 4 1/2 [місяця. — О.С.] я имел 7 заболеваний; при этом, как видно из прилагаемой справки, [...] состояние моего здоровья настолько ухудшилось [...], что меня одолевает паралич,

который я перенес в 1915 г. впервые. Это обстоятельство заставляет меня просить пересмотреть дело, начатое ОГПУ, и снять с меня позорящие меня обвинения [...] и тем дать мне возможность посвятить остаток моей жизни научной работе — по внесению принципов исторического материализма в ту область, где я до сих пор являюсь одним из малочисленных пионеров — область исследования древней (феодальной) русской литературы. Прошу разрешить мне вернуться к моим книгам, материалам и работам в Ленинграде...” (Арк.262).

Цей лист яскраво свідчить про те, що арешт і політичні звинувачення виявилися для вченого шоком. Акад. В.М.Перетц упродовж усього свого життя був людиною, далекою від політики, його наукові висновки й позиції, зокрема щодо літератури Київської Русі, базувалися виключно на об'єктивних даних і ніколи не були наслідком партійної політики чи будь-якої ідеології.

Таким чином, у червні 1934 року було розпочато перегляд справи Перетца. Але цей процес виявився занадто тривалим. Учений не дожив до його завершення. 4 жовтня 1935 р. на ім'я начальника СПО ГУГБ НКВС СРСР надійшов лист із повідомленням про те, що Перетц Володимир Миколайович помер 24 вересня 1935 року. На похорон приїздили брат покійного Лев Перетц і дружина Варвара Адрианова-Перетц. Брат наполіг на тому, аби було відспівування тіла покійного священником. В останній шлях ученого супроводжували всього кілька осіб.

Протягом багатьох років дружина В.М.Перетца Варвара Адрианова-Перетц докладала максимум зусиль для того, аби домогтися визнання засудження необ'єктивним і помилковим. 20 травня 1956 року вона написала до Верховної Прокуратури СРСР таку заяву:

“В Верховную Прокуратуру СССР
Адриановой-Перетц Варвары Павловны, члена-
корреспондента Академии Наук СССР, прожив.
Ленинград 14, Маяковского 27, кв. 15
Заявление

11 апреля 1934 г. мой покойный муж Перетц Владимир Николаевич, действительный член Академии Наук СССР и Академии Наук УССР, был арестован, в июне того же года выслан на три года в Саратов, а в конце декабря лишен звания академика обеих Академий. Обстоятельства, при которых В.Н. Перетц был обвинен, изложены в его рапорте Академии Наук СССР, посланом из Саратова 14.7.34 г. Копию с черновика этого рапорта прилагаю. В ноябре 1934 г. Верховная Прокуратура, по ходатайству АН СССР, вызывала мужа в Москву, ему обещан был пересмотр дела, однако после 1 декабря пересмотр был приостановлен. Заявление, посланное В.Н.Перетцом в июне 35 г. на имя т. Сталина, осталось без ответа. Копию с этого заявления также прилагаю.

В.Н.Перетц скончался 24 сентября 1935 г. С его последней просьбой, заканчивающей заявление т. Сталину, — хотя бы посмертно восстановить его честное имя, — я обращаюсь в Верховную Прокуратуру СССР. Издать оставшиеся после мужа научные работы, назвав его снова тем научным именем, которое он с таким достоинством носил в течение последних двадцати лет своей жизни, — единственная цель и моей просьбы.

Член-корр. Академии Наук СССР В.Адрианова-Перетц. 20.5.56 г.” (Арк. 263).

Далі у кримінальній справі В.М.Перетца подається його лист, написаний і надісланий на ім'я Й.Сталіна, що датується червнем 1935 р.:

“11 апреля 1934 г. я был арестован, увезен в Москву и здесь в изоляторе особого назначения пробыл два с половиной месяца. Мне было предъявлено обвинение в вовлечении некоторых очень мало или совсем незнакомых мне лиц в контрреволюционную националистическую организацию. Двое из них повторили

это обвинение в одинаковых выражениях на очной ставке. На мой вопрос, каковы же были цели и задачи этой организации, следователь ответил, что я сам должен это знать лучше. Он настаивал неоднократно, чтобы я чистосердечным признанием своей вины изменил свою участь, обещая возвращение домой. Но я не считал себя вправе даже такой ценой вводить в заблуждение следственную власть и лгать на себя. 22 июня мне был объявлен приговор — высылка на три года в Саратов, причем следователь еще раз предложил мне подписать признание и тем изменить совершенно свою участь. Я отказался и уехал в Саратов. Перед отъездом я подал в Коллегию ОГПУ заявление, в котором доказывал всю несообразность возводимого на меня обвинения, ссылаясь и на свое безупречное общественное прошлое, и на почетное положение академика двух Академий Наук, для которого было бы верхом нелепости пускаться в приписываемую мне авантюру — привлекать каких-то совершенно чужих мне людей в организацию с темными целями. Это заявление осталось без ответа.

16 ноября 1934 г. я был вызван из Саратова в Москву в Верховную Прокуратуру и здесь после данных мною прокурору [...] объяснений мне была 19 ноября объявлена резолюция Верховного Прокурора [...] — “считать приговор условным и разрешить мне вернуться в Ленинград”. Мне было предложено до оформления резолюции — недели на две-три — вернуться в Саратов, причем было добавлено, что намечен пересмотр всего дела, по которому привлечен и я.

Вполне понимая, что ряд событий, последовавших за 1 декабря 34 г., отодвинул на второстепенный план мое дело, я ждал до сих пор оформления резолюции Верховного Прокурора. Но в настоящее время состояние моего здоровья таково, что жить мне, по-видимому, осталось очень мало. На почве всех незаслуженных ударов, перенесенных мной за последний год, — арест, обвинение, ужасное по своей невероятности, ссылка на непривычный для меня климат, исключение из обеих Академий, — сломили мое и без того слабое здоровье. За последние два месяца у меня развилась тяжелая грудная жаба, припадками которой сделали меня совершенным инвалидом. Все это вынудило меня вторично обратиться в Верховную Прокуратуру и просить ускорить приведение в исполнение хотя бы резолюции 19 ноября 34 г. и дать мне возможность дожить последние месяцы жизни в семье.

Я вряд ли смогу дождаться полного пересмотра дела, который снял бы темное пятно с моего честного имени, поэтому я и просил Верховного Прокурора хотя бы вернуть меня домой. Но к Вам я обращаюсь с другой просьбой. Обратите Ваше внимание на это вопиющее по своей несправедливости дело, в результате которого я — как научный работник, бывший год тому назад способным не только продолжить свою личную научную работу, но и готовить кадры, — сделался полным инвалидом. Если моя невинность будет обнаружена хотя бы тогда, когда меня уже не будет в живых, то все же это даст по крайней мере опубликовать мои законченные работы” (Арк.264).

Тільки 8 жовтня 1956 р. архівна справа В.Перетца була відправлена прокурором Ленінграда на остаточний перегляд. У результаті відбулося нове слідство. У протоколах допитів ряду осіб стверджується, що не було ніякої контрреволюційної організації, а свої попередні свідчення вони давали під тиском.

30 листопада 1956 р. прокурор Ленінграда надіслав до Прокуратури СРСР листа з проханням прискорити перегляд справи В.Перетца. У протоколі огляду від 22 березня 1957 р. зазначено, що слідчий відділу УКДБ у зв'язку з переглядом справи Перетца здійснив огляд архівно-слідчої справи № 599774 у 22-х томах. Було переглянуто низку справ, які підтвердили штучність усіх звинувачень. У результаті цього заступником начальника УКДБ при СМ СРСР по Ленінградській області від 16 квітня 1957 р. було затверджене “Заключення”:

“Я, старший следователь Следственного отдела при УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области — старший лейтенант Кондратьев, рассмотрев материалы дополнительной проверки и архивно-следственного дела № 211952, по которому осужден — Перетц В.Н., 1870 г.р., уроженец г. Ленинграда, до ареста действительный член АН СССР и Всеукраинской АН, проживал в Ленинграде, а также заявление Адриановой-Перетц В. с просьбой о пересмотре дела ее мужа — Перетца В.Н., —

Нашел:

Секретно-политическим отделом ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе Перетц был арестован 11 апреля 1934 года.

На следствии обвинялся в том, что являлся членом центра контрреволюционной организации, именовавшейся “Российская националистическая партия”. Был одним из организаторов контрреволюционного блока русских и украинских националистов. Лично проводил вербовку новых членов организации. Поддерживал связь с московской частью центра организации путем систематических наездов для этой цели в Москву.

Основанием к аресту и осуждению Перетца послужили показания обвиняемых, проходящих по другим делам: Крыжановского Б.Г., Сычева Н.П., Дроздовского В.В., Чукина Д.Г., Таранушенко С.А., Эрнста Ф.Л., Миллера А.А., Гордеева Д.П., Мроз Е.Н., Теплоухова С.А., Шмит Ф.И., Никольской А.Б., Малицкого Н.В., Линдрос Э.И., Золотарева Д.А., Дубровского В.В., Бонч-Осмоловского Г.А., Войцик Р.К., Дурново А.Н., Дурново Л.А., Валяшко М.Г., Личкова Б.Л., Андриевского И.А., Куллэ Р.Ф., Фриде М.А., Фасмер Р.Р., Григора Г.Г., Кораблева В.Н., Ильинского Г.А., Седельникова А.Д., свидетельствовавших о принадлежности Перетца к вышеуказанной организации (л.д.4-190).

В предъявленном обвинении на допросах в 1934 г. Перетц виновным себя не признал (л.д. 196-201).

Решением особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16 июня 1934 года Перетц был осужден к высылке в г.Саратов сроком на три года (л.д. 247).

Анализом материалов и дополнительной проверкой следует считать установленным, что обвинение Перетца в принадлежности к контрреволюционной организации “Российская националистическая партия” было основано на неконкретных противоречивых показаниях обвиняемых, привлекавшихся по другим делам, в некоторых случаях опровергающихся материалами произведенной проверки. [...]

По материалам дела проходят виднейшие ученые Советского Союза — академики Вернадский, Курнаков, Державин, которые якобы, как и Перетц, входили в руководящий центр контрреволюционной организации. Однако никто из названных ученых репрессиям не подвергался (л.д. 333).

Принимая во внимание изложенное и считая, что материалов для привлечения к уголовной ответственности Перетца недостаточно, —

Полагал бы:

Архивно-следственное дело № 211952 по обвинению Перетца В.Н. вместе с материалами произведенной проверки направить Прокурору г.Ленинграда для постановки вопроса об отмене Решения Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16 июня 1934 года и прекращении дела по п. “б” ст. 204 УПК РСФСР.

Старший следователь следотдела УКГБ ЛО —
ст. лейтенант Кондратьев.

Нач. отделения следотдела УКГБ ЛО — майор Силин “Согласен”

Зам. нач. след. отдела УКГБ ЛО — полковник Рогов.

16 апреля 57 г. № 352”.

Наступним кроком у справі В.Перетца став "Протест" прокурора Ленінграда з грифом "Секретно" від 21 квітня 1957 р. у Президію Ленінградського міського суду. Тут говориться: "Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16.6. 1934 г. в отношении Перетц Владимира Николаевича отменить, дело прекратить производством за отсутствием в его действиях состава преступления".

17 липня 1957 р. Варварі Адріановій-Перетц було видано "Справку о том, что Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 9 июля 1957 г. Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16 июня 1934 года в отношении Перетца В.Н., 1870 года рождения, отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Гражданин Перетц В.Н. по настоящему делу считается реабилитированным. Председатель Ленинградского суда (Еременко)".

Тоді ж було затверджено "Постановление Президиума Ленинградского городского суда от 9 июля 1957 года" наступного змісту: "Президиум Ленинградского городского суда [...] установил:

Постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16 июня 1934 года Перетц Владимир Николаевич, 1870 года рождения, уроженец г.Ленинграда, русский, сослан в город Саратов сроком на 3 года.

Перетц обвинялся в том, что он являлся членом центра контрреволюционной организации, именовавшегося "Российская национальная партия", был одним из организаторов контрреволюционного блока русских и украинских националистов.

В протесте ставится вопрос об отмене Постановления Особого Совещания от 16 июня 1934 года в отношении Перетц В.Н. и прекращении дела за отсутствием преступления в его действиях.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы протеста, Президиум Ленинградского Городского суда находит протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям:

На следствии Перетц виновным себя не признавал, его обвинение было построено на показаниях лиц, арестованных по другим делам. ...

С учетом изложенного и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1956 года, Президиум Ленинградского Городского суда

Постановил:

Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 16 июля 1934 года в отношении Перетца Владимира Николаевича — отменить и делопроизводство прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

Председатель Еременко".

Після смерті В.Перетца навіть започатковане ним видання "Труды отдела древнерусской литературы", що почало виходити у 1934 році, не дало некролога. Радянський режим все робив для того, аби стерти у суспільній і науковій свідомості пам'ять про вченого. Тільки нині, за часів існування незалежної української держави, повертається до наукового обігу спадщина академіка В.Перетца, його наукова концепція, методологія вивчення літератури доби Київської Русі, цінна як і для українських, так і для російських учених.

